

них произошло бы и название института. В своей массе варяги состояли из воинских элементов, лишь в единичных случаях способных к исполнению судебно-административных функций. Это видно из образа действий князя Владимира Святославича, который выбрал из служившего ему варяжского отряда «мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады; прочии же идоша Царюграду въ Греки»¹⁷. Князь решился использовать наиболее способных варягов, имея в виду отвлечь их от мятежного наемного отряда. Надо думать, что в общем князья предпочитали опираться на местных «смысленых мужей», каковых находили в достаточном числе среди племенной знати, обладавшей большим опытом, который унаследовали по традиции, в области суда, администрации и ведении публичных дел. Без содействия знати, которой по традициям подчинялось местное население, вряд ли было возможно укрепить княжескую власть. Знать служила князю, но в сущности действовала в собственных интересах как формирующийся феодальный класс. Так было в других славянских странах, и нет оснований утверждать, что развитие Руси происходило иным путем.

Однако на исследователей производят впечатление списки представителей Руси в русско-византийских договорах 911 и 944 г. Их имена в подавляющем большинстве, как признают лингвисты, звучат по-скандинавски. Чтобы оценить надлежащим образом исторический смысл этих списков, нужно принять во внимание, что все они относятся к трем категориям людей: 1) князья и их родня (династический элемент), 2) послы от членов династии, направленные в Царьград, 3) купцы. Оценивая эти категории с политической точки зрения, можно сказать, что обе последние категории не представляют собой самостоятельного политического фактора, а из первой категории сыграли хорошо известную и видную историческую роль только четыре лица (ассимилированные, можно утверждать, славянской средой): Олег, Игорь, Ольга, Святослав. Прочие перечисленные члены династии не оставили после себя никакого следа в истории Руси, ничего не слышно об их потомстве, неизвестно даже, все ли они находились на Руси во время заключения договора 944 г. Только имя одного из них, Владислава, свидетельствует о процессе ославянивания правящей фамилии. Следовательно, центр политической тяжести нужно перенести на четвертую, сложную по составу категорию, которую приводят оба договора под разными названиями. По словам договора Олега 911 г., послы были отправлены «от Олга, великого князя рускаго, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих боярь»¹⁸; в договоре Игоря 944 г. сказано: «послании от Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя княжьа и от всехъ людей Руския земля»¹⁹. В последнем выражении слово «бояре», очевид-

¹⁷ ПВЛ, ч. 1, с. 56 (980 г.).

¹⁸ Там же, с. 25—26.

¹⁹ Там же, с. 35.